

воздействию уже менявшегося порядка слов (с. 155), но, учитывая достаточную древность индоиранско-греческо-армянского, во избежание хронологических трудностей более естественно принять объяснение аугмента из начальной частицы, еще отражаемой как *o-* в микенских греческих формах типа *o-de-ka-sa-to* 'так вот, он получил' (гом. *ἐδέξατο*).

Для общеиндоевропейского восстанавливается два отрицания: **m̥e* в запретах (в сочетании с повелительным и должноствительным наклонениями) и немаркированное **ne* во всех остальных случаях, что достаточно близко к аналогичному функциональному соотношению между запретительным **m̥ā* и отрицательным **ǵāla*, реконструируемым в ностратическом¹⁵. Отрицание следовало за глаголом, что еще отражается в ранних греческих текстах, архаической латыни и в хеттском (стр. 153—154).

Характерной чертой индоевропейского глагола Леман вслед за Леви признает его субъективность — последовательное выражение субъекта во всех личных формах, что явилось результатом позднейшего развития (с. 111). Можно думать, что в индоевропейском (как и в енисейских языках) субъектные формы возникли из активных притяжательных, след чего еще обнаруживается в сходстве таких конструкций, как глагольные формы активного ряда (на *-ni*) и древнехеттские именные притяжательные сочетания с энклитическими местоимениями неотчуждаемой принадлежности¹⁶. Иначе говоря, можно думать, что и здесь за позднейшими морфологическими комбинациями можно увидеть след им предшествовавших синтаксических сочетаний. С общелингвистической точки зрения, значительный интерес представляет то, в какой мере субъективность индоевропейского глагола повлияла на концепции тех

ученых (не только лингвистов, но и логиков и представителей естественных наук), которые постоянно видели в этой черте грамматики проявление специфики естественного языка вообще (хотя это и несправедливо по отношению к таким языкам, как японский).

Развитие субъективности глаголов, приводящей, в частности, к присоединению дополнений (например, инфинитивов¹⁷) после глагольной формы (а не до нее, как раньше), Леман считает основной причиной перестройки порядка слов при развитии от типа *OV* в общеиндоевропейском к типу *VO* в исторических диалектах (с. 238—251).

Как отмечается в пятой главе (с. 175—221), посвященной общему обзору синтаксических категорий индоевропейского, в раннеиндоевропейском не было противопоставления переходных и непереходных глаголов, страдательный залог развивается только в отдельных диалектах. В этом можно видеть следы активного строя древнейшего общеиндоевропейского языка, с которым можно, по видимому, соотнести и наличие порядка слов *SOV*¹⁸; преобразование этого порядка слов в связанный с ним черт поверхностной синтаксической структуры являлось результатом изменения активного строя, в котором два ряда глагольных окончаний были соотнесены не с двумя видами — имперфективным и перфективным, как полагает Леман (с. 139—146, 186), а с противопоставлением актива и инактива (подробнее об этом см. в готовящейся к печати книге Т. В. Гамкрелидзе и автора).

Единство точки зрения, которая отличает книгу Лемана, делает ее (как и многочисленные предшествовавшие ей статьи ее автора) существенным этапом в типологическом исследовании индоевропейского синтаксиса.

Вяч. Вс. Иванов

¹⁵ Иллич-Свитыч В. М. Указ. соч., с. 263, 264; его же. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь (I — *ǵ*). М., 1976, с. 56, 57. При предположении в хет. *le* (запретительная частица) переосмысленного архаизма (а не спорного фонетического изменения, как думает вместе с рядом других ученых Леман, с. 123, ср. сходное отождествление окончаний должноствительного наклонения — хет. *l-u* и др.-инд. *-ni*, с. 135) возникла бы и возможность объяснения слав. **li* из того же древнего элемента (согласно указанной закономерной трансформации отрицательных частиц в вопросительные).

¹⁶ Ср. Иванов В. В. Диахроническая и синхронная типология притяжательных конструкций с неотчуждаемыми пространственными служебными словами. — «Лингвистические исследования», 1975, вып. II, ч. 2.

¹⁷ О хронологии развития инфинитивов, лишь бегло затрагиваемой Леманом, см. Jeffers G. J. Remarks on Indo-European infinitives. — «Language», 1975, v. 51, № 1; Иванов В. В. К типологии инфинитива в балканских языках. — «Славянское языковедение. Проблемы морфологии современных славянских и балканских языков». М., 1976, с. 223, 224.

¹⁸ Ср. Климов Г. А. Очерк общей теории эргативности, М., 1973, с. 218, 219. См. о типе *m̥b̥oʷa Pedro uaix̥uʷ* 'змея укусила Педро' (где *aix̥uʷ* активный глагол) в гуарани: Platzmann J. Grammatik der Brasilianischen. Leipzig, 1874, S. 99; ср. о порядке слов в языке XVIII в.: Der Sprachstoff der Guaranischen Grammatik des Antonio Ruiz übersetzt und hier und da erläutert von J. Platzmann. Leipzig, 1898, S. 74, 75.